

**Долгоруков Петр Владимирович. Петербургские очерки:
Памфлеты эмигранта. 1860-1867
Гавриил Степанович Батеньков¹. [фрагмент] стр.355-368.**

В 1819 году, 27-ми лет от роду, Батеньков в скромном чине штабс-капитана управлял всем Сибирским округом путей сообщения. Сибирь уже пятнадцать лет стонала под тяжким деспотизмом генерал-губернатора Ивана Борисовича Пестеля и поставленных от него губернаторов, между коими особенно отличался иркутский -- Николай Иванович Трескин, свирепствовавший, как турецкий паша на своем пашалыке. Между тем Александр I хотел дать значительное место бывшему своему любимцу Сперанскому, а враги этого умного и хитрого человека весьма желали его удаления, и потому Сперанского послали в 1819 году генерал-губернатором в Сибирь с поручением преобразовать этот обширный край, ввести в нем порядок и благоустройство, что решительно невозможно в стране самодержавия и, следовательно, бесправия. Сперанский уменьшил число страдальцев, сделал много добра частным лицам, но государственная деятельность его в Сибири ограничилась написанием уставов, превосходных на бумаге, в теории, и, как почти все хорошие уставы в странах самодержавия, на практике неисполняемых и даже почти неисполнимых. В Тобольске Сперанский встретил молодого офицера путей сообщения, умная и честная личность коего резко и светло выделялась из массы всяких темных индивидуумов, составляющих сибирскую администрацию. Узнав, что Батеньков природный сибиряк и, следовательно, превосходно знаком с краем, еще столь малоизвестным, Сперанский пригласил Гавриила Степановича сопровождать его, и с тех пор они не разлучались в течение с лишком шести лет, до самого рокового дня ужасной грозы, разгромившей жизнь Батенькова, жизнь, казавшуюся столь богатой надеждами и счастьем в будущем!

Три года провел Сперанский в Сибири. Батеньков был, можно сказать, его правой рукой; он сделался его ближайшим советником и искренним другом. В 1822 году Сперанский возвратился в этот самый Петербург, откуда за десять лет перед тем, быв одним из самых влиятельнейших лиц в империи, он был выслан в Нижний Новгород с полицейским офицером. Он привез с собой Батенькова. Сперанский назначен был тогда членом Государственного совета, по его проекту учрежденного за двенадцать лет перед тем, а для рассмотрения составленного им устава для управления Сибирью и вообще для заведования делами этого края учрежден по его совету Сибирский комитет, составленный из министров внутренних дел, финансов, просвещения и его самого, Сперанского, под председательством всемогущего в то время Аракчеева. Правителем дел Сибирского комитета назначен по рекомендации Сперанского неразлучный его друг и соратник Батеньков, живший у него в доме. Сперанский нанимал в то время этаж в доме Лазарева, где Армянская церковь, на Невском проспекте.

Александр I по возвращении своем в Россию с Венского конгресса в 1816 году занимался исключительно делами политики внешней, беспрестанно

¹ Гавриил Степанович Батеньков (25 марта (5 апреля) 1793, Тобольск — 29 октября (10 ноября) 1863, Калуга) — декабрист, поэт, писатель, военный служащий.

повторяя слова: "notre prépondérance politique" {[Наше политическое преобладание (*фр.*).]}, а управление делами внутренними, без исключения, предоставил Аракчееву. Трудно себе вообразить всемогущество влияния этого властолюбивого, злобного и мстительного временщика. [.....]

Всемогущий временщик, коему уже начали противеть поклонения придворных и их непроходимая низость, полюбил умного, честного и прямодушного Батенькова. Он его назначил членом совета о военных поселениях и членом комиссии, составлявшей устав для управления военными поселениями. Дерзкий и грубый на службе, не терпевший противоречий, Аракчеев всегда обходился с Батеньковым вежливо и ласково, выслушивал его возражения, не сердился на его противоречия, имел большую доверенность к его уму и способностям, доверенность безграничную к его честности и, гнуся по своей привычке, говаривал иногда: "Это мой (!!!) будущий министр".

Таково было в 1825 году, на тридцать четвертом году его жизни, положение Гавриила Степановича, положение блистательное, влиятельное, почетное. Казалось, судьба открывала перед ним поприще широкое и блестящее, на коем способности и отчизнолюбие его могли быть столь полезными отечеству, а между тем неисповедимая воля провидения обрекала его не только на бездействие политическое и гражданское, но еще на страдания ужасные и многолетние!..

Состояние, в коем находилась и еще теперь находится Россия, состояние, преисполненное злоупотреблений и нравственной грязи, побудило многих людей с душой благородной и с чувствами возвышенными составить тайные общества для введения в России иного, честного образа правления. Составились три тайных общества: Северное в Петербурге, с отделом в Москве; Южное в Тульчине, главной квартире 2-й армии, и Общество соединенных славян, также во 2-й армии. Последние два общества желали ввести правление республиканское, а Северное общество стремилось к монархии конституционной. В это Северное общество вступил Батеньков и вскоре стал одним из самых деятельных и самых главных членов его. Он состоял в короткой дружбе с умным, благородным и необыкновенно способным Николаем Александровичем Бестужевым, одним из самых любимых гостей Сперанского; Бестужев познакомил Батенькова со знаменитым Рылеевым, а Рылеев и Бестужев ввели Батенькова в Северное общество, которое, кроме членов друг другу известных, давших подписки на содействие и принимавших участие в собраниях, имело еще членов тайных *des affiliés* {Этого общества (*фр.*).}, которые подписок не давали, в собрания никогда не являлись и коих имена были в то время неизвестными самой большей части членов. Эти тайные сообщники сносились с обществом через посредство одного или нескольких членов, передавая через этих последних свои советы, передавая сведения и предостережения. Между тайными сообщниками находились: адмирал Николай Семенович Мордвинов, председатель Департамента дел гражданских и духовных в Государственном совете; Алексей Петрович Ермолов, в то время управлявший Кавказом; Сперанский и московский архиепископ Филарет (нынешний митрополит)*. Сперанский сносился с обществом через посредство Батенькова, Мордвинов через посредство Рылеева, Ермолов через Грибоедова, Михаила Фонвизина и еще через одного полковника, имени которого мы здесь не выскажем, потому что в настоящее время он занимает важную должность и мы не хотим ссорить этого почтенного старца с безмозглым петербургским правительством.

Когда в воскресенье, 13 декабря 1825 года, решено было произвести на следующее утро вооруженное восстание через гвардейские полки, то положили, в случае успеха восстания, немедленно учредить временное правительство которое предписало бы по всем губерниям произвести выборы депутатов, назначенных составить конституцию для России. Этому временному правительству предположено было состоять из трех членов: архиепископа Филарета, адмирала Мордвинова и князя Сергея Петровича Трубецкого; правителем дел этого верховного правительства назначался Батеньков. Государственный совет предполагалось распустить и на место его назначить новый, из тридцати шести членов. Восемнадцать вакансий оставлены были для главных заговорщиков; на другие восемнадцать мест составлен был список, заключивший в себе имена некоторых тайных сообщников, например Ермолова, Сперанского, Павла Дмитриевича Киселева, и даже несколько имен лиц, к числу заговорщиков не принадлежавших {Например, графа Кочубея, человека умного и весьма способного, и про коего заговорщики безошибочно полагали, что он готов служить всякому правительству. [.....]}

Известна плачевная развязка восстания 14 декабря, предпринятого необдуманно и произведенного самым бестолковым образом. Если бы оно имело успех, то Россия быстро двинулась бы по стезе свободы и благополучия и скрижали русской истории не были бы опозорены николаевщиной, этой тридцатилетней войной против просвещения и против здравого смысла.

Через несколько дней после 14 декабря Батеньков был арестован; бумаги его взяты, а легко вообразить себе страх, его арестом и захватом его бумаг наведенный на трусливого друга его, Сперанского, в доме которого он жил. Рассказывают, что, когда пришли арестовать Батенькова, со Сперанским произошел обморок!

Заключенный в каземат Петропавловской крепости, подвергнутый нравственной пытке, худшей всякой пытки физической, он устоял твердо и, не взирая на всевозможные ухищрения инквизиторов, не проговорился и не выдал Сперанского. Одно неосторожное слово Батенькова могло выдать этого сановника и с кресел Государственного совета низринуть его в глубь рудников сибирских: это слово не было вымолвлено осторожным и энергическим узником. На Сперанского возникали улики столь значительные, что однажды комиссия отправила одного из своих членов, Левашова, к государю просить у него разрешения арестовать Сперанского. Николай Павлович, выслушав Левашова, походил по комнате и потом сказал: "Нет! Член Государственного совета! Это выйдет скандал! Да и против него нет достаточных улик!" Таким образом Сперанский был спасен...

Батеньков приговорен был к пятнадцатилетней каторге [.....]

Невозможно без глубокого содрогания душевного представить себе весь ужас положения этого человека, преисполненного сил жизненных, преисполненного ума, энергии, жажды деятельности и ввергнутого в мрачную и сырую тюрьму, разобщенного с миром, обреченного на полное бездействие, приговоренного судьбой, можно сказать, к живой смерти... Нельзя не удивляться, видя, что его ум, его высокие способности устояли против такой нравственной муки, четверти которой не вынес бы человек обыкновенный... [.....]

В этом ужасном положении провел он десяток лет, и лишь в середине тридцатых

годов боязливое ходатайство трусливого Сперанского -- человека замечательного умом, доброго сердцем, но трусливого до гнуснейшей подлости -- доставило не освобождение, а лишь некоторое облегчение ужасной участи тому верному другу, мужеству, энергии и добродетелям коего Сперанский обязан был тем, что не променял звание государственного сановника на кандалы работника в рудниках сибирских... Что могло происходить в душе этого подлого, но доброго человека, когда, заседаая в Государственном совете или составляя проекты законов для шестидесятимиллионного населения империи или докладывая государю в его кабинете, в памяти его возникал облик верного друга, который жил с ним шесть лет душа в душу, спас его от Сибири и томился в каземате, в живом гробу?.. Что в эти минуты мог чувствовать Сперанский, то известно лишь Богу-сердцеведцу!..

И тут оказалось губительное влияние правления самодержавного. Умный и добрый, но трусливый и подлый, граф Сперанский расхаживал в Андреевской ленте и писал законы; умный и добрый, но благородный и энергический, Батеньков был заживо схоронен в каземате... [.....]

Россия! Милое отечество! Когда же наконец ты свергнешь с себя иго этого гнусного самодержавия?

В середине тридцатых годов Батеньков переведен был из каземата крепости Роченсальмской в Петербург, в каземат той самой Петропавловской крепости, где положено было начало его страданиям. Ему разрешено было получать книги и журналы: его перестали держать на сухоедении; стали давать ему щи, кашу, картофель, квас и чай, но не позволяли ни с кем видаться, ни с кем переписываться, не давали ни перьев, ни чернил, ни бумаги. В этом тяжком заключении провел он еще десяток лет; и лишь в 1846 году тогдашний комендант Петропавловской крепости Иван Никитич Скобелев выпросил у Николая разрешение Батенькову отправиться на свою родину и жить в Томске. Там он провел еще десять лет и лишь в 1856 году получил разрешение избрать себе пребывание в России, где пожелает, кроме обеих столиц. Он поселился в Калуге, где имеют пребывание двое умных, почтенных и всеми уважаемых декабристов: князь Евгений Петрович Оболенский и Петр Николаевич Свистунов. По временам ему разрешаемы были приезды в Москву.

Гавриил Степанович скончался в Калуге в первых числах ноября 1863 года, на семьдесят втором году от рождения. [.....]